

режение, не будет знать, с какой стороны ему грозит опасность, и он захочет уточнить, что́ это — взрывчатка, воспламеняющаяся смесь, наркотик, отравляющее вещество, источающее ядовитый газ или производящее ожоги. Сама семантика многих предикатов рассчитана на параметризацию субъекта и без этого не может быть понята (см. также выше).

Таким образом, при отсутствии у адресата таксономически структурированных знаний о предмете сообщения говорящий должен их ему предоставить. Предикат стремится войти в отношения конъюнкции по крайней мере с ингерентными признаками соответствующего класса объектов. Этим объясняется настойчивое желание средневековых логиков дополнять предикатные прилагательные родовым именем: *Ель покрыта хвоей* преобразуется ими в *Ель есть покрытое хвоей дерево*. Этим же можно объяснить и предпочтение, подчас отдаваемое языком, таксономической по форме предикации сравнительно с характеризующей. Так, чаще говорят *Это — большой стол*, чем *Этот стол большой*, *Петя — непослушный ребенок*, чем *Петя непослушен*, *Это — синий карандаш*, чем *Этот карандаш синий*.

Связь с предикатом осуществляется не только через родовые признаки, присущие субъекту, но и через его индивидуальные черты. В субъекте поэтому часто эксплицируются те именно свойства индивида, которые должны обеспечить понимание или должную оценку поступающей о нем новой информации. Иногда семантическая ретроспективность субъекта превращает его в своеобразное резюме накопленных данных. Так, заканчивая жизнеописание вятского губернатора Тюфяева, Герцен пишет: «И вот этот-то почтенный ученик Аракчеева и достойный товарищ Клейнмихеля, акробат, бродяга, писарь, секретарь, губернатор, нежное сердце, бескорыстный человек, [...] оклеветавший императора Александра для того, чтобы отвести глаза императора Николая, брался теперь приучать меня к службе» («Былое и думы»).

Если с родовыми свойствами субъекта предикат стремится войти в отношения конъюнкции, уточняя и детализируя их, то с индивидуальными признаками он завязывает более сложные связи, ср. *Наш учитель истории не мог сказать, в каком году была Варфоломеевская ночь; У этого счастливого ребенка и жена красавица; Этот несчастный не может не вызывать к себе сочувствия; Наш невежа всегда всех поучает*.

Между теми сведениями, которые относятся к фонду знаний, и предикатами сообщения возникают логические отношения причинности, уступительности, основания и вывода, основания и оценки. Таким образом, отношения, характерные для сложноподчиненных предложений, в зародыше вскрываются уже в простом конкретном суждении, в смысловом взаимодействии его субъекта и предиката.

Семантическая анафоричность субъекта создает необходимый для понимания новой информации фон: субъект представляет собой своеобразный мост, связывающий прошлое с настоящим, известное с неизвестным.

Таким образом, понимание сообщения (его предиката) обеспечивается и родовыми и индивидуальными признаками субъекта.

Итак, субъект выполняет в предложении две коммуникативные задачи, одна из которых обращает его лицом к внеязыковой действительности, другая — к предикату. Семантическая бифункциональность субъекта обуславливает возможность двоякой интерпретации определенных дескрипций, занимающих эту логическую позицию и выражающих индивидуальные признаки референта. Они могут быть поняты в идентифицирующем смысле, т. е. в связи с функцией указания на предмет речи, но они могут быть истолкованы также в смысле характеризующем. Установленное Доннелланом различие между референтным и атрибутивным употреблением